

Р.Э. Веббер

КРИТИКА МАССОВОГО ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Я - евангелист. Ведь я вырос в Африке, где мои родители служили в Африканской внутренней миссии. Я учился в четырех евангелических учебных заведениях. Я преподавал в евангелической семинарии и в двух евангелических колледжах. Мои книги издавались евангелическими издательствами. И даже мои лучшие друзья - евангелисты. Таким образом, я - евангелист по рождению, по культуре, по образованию и по доброй воле. Итого я - четырежды евангелист.

Но здесь я обращаюсь к вам не как защитник евангеликализма, а как критик. Еще в колледже у меня возникло критическое отношение к нему. Я вдруг увидел в евангелической церкви и в себе в связи с ней что-то поверхностное, ограниченное и ханжеское. Это открытие заставило меня доискиваться чего-то большего. Я начал интересоваться прошлым. Я задавал себе такие вопросы: Какова природа этого феномена? Какие люди и исторические события сформировали его? Как выглядит евангелическое христианство в сравнении с другими христианскими конфессиями? Мои блуждания привели меня к изучению истории церкви; и лишь тогда, когда я открыл для себя отцов раннехристианской церкви, я начал улавливать то, что беспокоило меня в евангелическом христианстве.

Мои замечания нельзя отнести ко всем евангелическим сектам в равной степени. Дело в том, что существует более десяти различных евангелических субкультур. Более того, евангелическое движение настолько динамично, что я не могу быть уверен в том, "что моя сегодняшняя критика какой-то отдельной субкультуры будет справедлива завтра. Для примера позволю себе описать три различные фазы, через которые прошло евангелическое христианство в этом столетии. Первой была фаза фундаментализма. Можно сказать, что она началась в 1910 г. и закончилась в 1950 г. Это был период рождения и роста. Вторая фаза началась после второй мировой войны и продолжалась до конца 60-х годов. Ее называли неоевангелической эрой.

Так как неоевангелический период начался непосредственно после фазы фундаментализма, он сохранил его характерные черты. И все же из-за динамичности он во многом не похож на период фундаментализма. Нельзя сказать, что сепаратизм стал его характерной особенностью, но энтузиазма по поводу экуменических отношений явно поубавилось. Нельзя сказать, что это был период фетишизации библейских текстов, но все же это был период весьма осторожной их критики. Нельзя сказать и того, что в этот период придавалось исключительное значение каждой отдельной личности, но все же наметилась явная тенденция к более активному участию в жизни общества. В эти годы приобрели известность Билли Грэм, Гарольд Линдселл, Карл Ф.Х. Генри и Гарольд Оккенга. Самыми известными колледжами считаются Уитон, Гордон и Вестмонт, лучшими семинариями стали Гордон-Конвелл, Фуллер и Богословская евангельская школа Св. Троицы; наиболее серьезными изданиями являются "Christianity today" (ДХристианство сегодня) и "Eternity" (ДВечность); самыми уважаемыми издательствами являются "Eerdmans", "Zondervan", "Baker" и "Tyndale". В этот период начали свою

работу многочисленные миссии, молодежные пастырские объединения, радио и телевидение, общественные агентства и другие, чья деятельность сегодня охватывает весь мир. Духовенство лишь одного евангелического течения, берущего начало в Уитоне (который сейчас любовно называют Ватиканом евангеликализма), составляет несколько тысяч человек, эффективно работающих во всех странах мира.

Третья фаза началась с 70-х годов; в этот период в деятельности евангелических церквей проявляются активная вовлеченность в общественную жизнь, тенденции к критическому толкованию Библии, повышенное внимание к общению в теоретическом и практическом планах и к росту стихийного экуменического движения, а также интерес к историческим и теологическим корням. Евангеликализм 70-х годов можно сравнить с фейерверками по случаю празднования годовщины независимости - Четвертого июля. Отовсюду запускаются маленькие ракеты. Они освещают небо и рассеиваются. Большинство из них все еще летает, что создает невероятную путаницу и аэразберику. Дело в том, что никто не может справиться с этой третьей фазой. Поэтому мы все и изо всех сил стараемся найти ей определение. В 1973 г. Ришар Кебеде (Qebedaux) назвал нас Дмолодьми евангелистами", а теперь он говорит, что мы Дмирские евангелисты." (см. статью Кебеде в "New Oxford Review", март 1978 г.).

Как бы то ни было, все три фазы являются частью современного евангеликализма, а мы, нынешние евангелисты, - одной из его модификаций, в настоящее время никто не может говорить от имени единой евангелической церкви.

Я представляю незначительное меньшинство среди множества приверженцев евангелизма (к тому же евангелизма третьей фазы). Мы предпочитаем называть себя ортодоксальными евангелистами. Это подразумевает, что мы восхищаемся трудами отцов церкви и считаем, что их прозрения позволяют вносить ценные поправки в то, что, как мы полагаем, является лишь слабой тенью исторического христианства в структуре массового евангелического христианства. Но, учитывая сложную и разнообразную природу евангеликализма, я первый признаю, что то, о чем я собираюсь говорить, не относится ко всем в равной степени. Итак, я собираюсь пустить свою ракету в небо. Если кому-то понравится игра ее огней, прекрасно. Если нет... ну что ж, мы по-прежнему останемся просто братьями и сестрами.

Главной проблемой массового евангелического христианства является то, что ему не удастся познать полностью смысл Воплощения. Оно не в состоянии высветить все детали в тайне Воплощения. Я думаю, что тайна Иисуса Христа - совершенного человека и совершенного Бога - есть главный парадокс истории человечества. При том, что Воплощение является уникальным событием в истории - неповторимым и возможным лишь как воплощение Бога в Христе - меня интересует, какую возможность дает нам Воплощение, чтобы осмыслить действительность. Оно подтверждает неотъемлемое присутствие божественного начала в человеческом и убеждает нас в изначальных добродетелях мироздания. Оно говорит решительное "Да" всему видимому, осязаемому, земному. А из этого следует решительное "Нет" отрицанию материальности со стороны всех приверженцев гностицизма и докетизма.

Существует шесть областей, в которых массовому евангелическому христианству не удается осознать сущность Воплощения. Именно в этих областях находятся наши слабые места и именно на них мы должны сосредоточить свои усилия в будущем, чтобы обрести настоящую зрелость и способность предложить церкви эффективное руководство. Эти шесть областей включают в себя наше видение истории, вопросы о церкви, о Священном Писании, о теологии, о поклонении и о духовенстве.

Во-первых, об истории. Смотреть на историю сквозь призму Воплощения, значит, признавать существование человеческих и божественных начал в процессе истории.

Проблемой массового евангеликализма является то, что мы не объединили теологические идеи о Воплощении с теологическими идеями о мироздании и искушении с эсхатологией. Мы полагали мироздание статическим, споря о том, создал ли его Бог за семь дней или нет, упуская таким образом религиозное значение мироздания и продолжающуюся историческую деятельность Бога. Мы рассматривали искушение в рамках индивидуализма, споря о том, имеет ли Искушение ограниченный характер или дано было всем, совершенно игнорируя понятие о том, что в Христе все. Эсхатологию мы превратили просто в доктрину о тысячелетнем царстве Христа, споря о том, окончится оно раньше или позже этого срока и упуская, таким образом, то главное, что все сущее "Дождает с упованием" дня, когда будет утверждено до конца, чтобы быть неповинным".

В результате этот взгляд на историю оказался близким гностицизму. Бог будто бы лишь частично и периодически причастен к истории. К тому же в человеческой истории Бога будто бы интересуют лишь души. Искушение становится действием, посредством которого души могут быть освобождены из своего заточения. Эсхатология превращается в заключительный эпизод, когда материальный мир будет разрушен навсегда и уцелеет лишь духовный.

На практике такое отношение к истории проявляется в поведении тех, кто сопротивляется вовлечению в жизнь общества. Такое сопротивление выдает приверженцев этики, основанной на психологии индивидуализма и затворничества, отдающей предпочтение душе перед телом, личному перед общественным, неосязаемому перед осязаемым. Бога, говорит этика, не интересует ничто материальное, физическое, мир ощущений. Более того, непризнание истории проявляется в неисторичности евангелического христианства. Наше историческое сознание не идет дальше Дуайта Л. Муди или, в крайнем случае, Реформации. Лишь немногие из нас считают себя причастными к церковной истории, берущей начало в I веке нашей эры. Нам чужда идея о непрерывности исторических событий, которая помогла бы нам осознать свое место в истории церкви как в контексте целого. Мы осознаем себя лишь в связи с эпизодическими взрывами евангелического энтузиазма, там и сям отмеченными в истории церкви.

Во-вторых, о церкви. В божественных книгах церковь предстает как собрание народа Божьего, как Божье строение, как собрание верующих во Христа, Тело Христово. В этом смысле церковь призвана действовать как продолжение Воплощения. Церковь - это существование Христа в мире через папство, Священное Писание и святые дары евхаристии, переданные

Апостолами и охраняемые и оберегаемые присутствием Святого Духа.

С другой стороны, церковь насквозь человеческа. Она представляет собой видимые и осязаемые сообщества людей, расселившиеся по всему земному шару. Для нее характерно все, что есть человеческого - конкуренция, зависть, непонимание, политиканство и соперничество. И все это выражается во множестве разнообразных форм в зависимости от различия культур. В одном случае что-то противоречит культуре, в другом - вполне ей соответствует, в третьем - подчиняет себе культуру. При этом смешиваются отжившее и живое, слабость и сила; и все это вне зависимости от местонахождения или внешнего вида - церковь, да, церковь.

Проблемой массового евангелического христианства является то, что нам не удалось осознать таинственную двойственную природу видимой церкви. Мы отделяем человеческое от божественного и не видим присущность божественного человеческому. Результатом является что-то вроде "церковного докетизма". Подобно представителям докетизма, не признававшим в Христе телесного человека, мы отказываемся понять человеческую природу церкви. Из-за этого в миру церковь становится довольно туманной и неопределенной сущностью.

На практике эта тенденция в духе докетизма проявляется в нашем неправильном понимании человеческого аспекта церкви. Прежде всего это выражается в сущностном кризисе. Что же в свете всего сказанного представляет собой церковь? Так как на ту природную особенность церкви, что она является олицетворением присутствия Христа в мире, мало кто обращает внимание, церковь становится тем, чем ее делают сильные личности. Она становится лекционным залом, кабинетом психоаналитика, палаткой евангелиста или местом дружеских сборов.

Кроме того, наша тенденция, близкая докетизму, приводит к кризису влияния. Нам не удастся осознать, каким образом влияние Христа находит выражение в церкви как пастырское служение, переданное Апостолами. Вместо этого мы организуем структуру влияния по образу человеческой власти. Церковь становится институтом власти. Некоторые пастыри становятся тиранами, другие превращают церковь в свое королевство, а третьи делают ставку на культ личности.

В-третьих, о Священном Писании. В божественном смысле Священное Писание - это дыхание Божие. Оно пришло от Бога как откровение через вдохновение пророков и апостолов. Священное Писание - это живой голос Бога, обращенный к его народу, а через него - к миру. Оно имеет божественную природу и отсюда его влияние. С ним следует обращаться уважительно и благоговейно. Ему следует внимать с верой.

Вместе с тем Священное Писание глубоко человеческо. Оно не писалось на небесах рукой Бога. Оно пришло к нам через жизненный опыт мужчин и женщин, преодолевших жизненные невзгоды. В нем рассказывается о победах и поражениях народов, отдельных людей, общин.

Ошибкой евангелистов в отношении к Священному Писанию было то, что они чрезмерно подчеркивали божественную сторону Священного Писания. Во многих наших церквях не уделяют

внимания исторической обстановке, состоянию культуры или философским предпосылкам, на основе которых появилось Священное Писание. Зачастую цитаты выхватываются из контекста, интерпретируются весьма субъективно, разбиваются на группы божественных суждений, из которых после их разбора и систематизации можно составить справочник расхожих истин.

Результат ужасен. Он практически закрыл дверь перед разумным обсуждением вопроса о природе Священного Писания. Некоторые склонны обвинять в вероотступничестве тех, кто задает трудные вопросы. Другие ограничивают себя тем, что придают буквальное значение всему, включая поэзию, предание, миф, притчу, - тем самым теряется имевшийся в виду смысл.

Более того, некоторые из нас сдали позиции перед рационалистическими и эмпирическими методологиями человека Запада. Мы утверждаем, что христианство можно защитить с помощью разума и таким образом настраиваем себя на христианство, из которого ушла тайна. Ты заменили свидетельство Святого Духа на силу и убеждение интеллекта и таким образом открыли дорогу для окончательного неприятия силы и влияния Священного Писания.

В-четвертых, о теологии. С божественной точки зрения, теология привлекает интуитивной верой церкви, верой, которая всегда была в душе церкви, дана церкви Святым Духом как дар понимания. Это неопределенная, теоретически необоснованная, бессистемная истина о христианском восприятии действительности. О ней говорится на страницах Священного Писания в коротких утверждениях, относящихся к вероучению, в ранних сводных правилах вероучения и в дошедшей до наших дней церковной литургии.

Вместе с тем теология - это почти то же самое, что человеческое размышление об истине. Это усердное старание понять и перевести на выразительный язык смысл церковного учения. Как результат существует множество теологических систем, каждая из которых серьезно относится к содержанию библейской структуры реальности. Но эти теологические системы сами по себе не являются истиной, а лишь земными сосудами, которые в лучшем случае содержат в себе истину, а в худшем - прячут эту истину.

Проблема массового евангеликализма состоит в том, что нам не удалось провести различие между верой и формулировкой. В результате этого мы подняли наши человеческие теологические системы до положения истины. Мы действуем так, будто истина не личность, а система. Эта система в таком случае превращается в средство, с помощью которого мы судим друг о друге. Те, кто не согласен с нашей системой, в лучшем случае ошибаются, в худшем - вероотступники.

Такой подход является практическим результатом стремления обо всем выкосить суждения, в этом случае само действие конечно. Этот подход выколачивает истину - он ее определяет, проясняет, систематизирует, анализирует, после чего она оказывается безжизненной. Истину помещают под микроскоп и ожидают, что она не шелхнется. Такой подход леденит, лишает жизни; он является механистическим и поверхностным. В нем нет глубины, нет тайны, нет парадокса.

В-пятых, о поклонении. Историческая церковь всегда

признавала, что форма и тайна в поклонении составляют одно целое. Из божественной перспективы глядя, мы постоянно пребываем в присутствии Божьем. Например, в литургии Иоанна Златоуста молящийся осознает Причащение с Двтысячей архангелов и тьмой ангелов, херувимов и серафимов шестикрылых". С этими божественными силами молящийся тоже вопиет и глаголет: ДСвят еси и пресвят. Ты". Кроме того, Бог во Христе присутствует для молящегося в святом Причащении Его Тела и Крови.

Вместе с тем человеческий аспект поклонения подтверждает, что эта основа является подходящим средством для передачи духовного начала. Принцип Воплощения навсегда утверждает значение формы - осязаемой и материальной - как средства, которое делает возможным присутствие божественного начала.

Массовый евангеликализм по большей части лишился чувства присутствия божественного начала в человеческой форме. Мы восприняли близкий гностикам взгляд на использование формы при поклонении. Это проявляется в нашей антипатии к записанным молитвам; в нашем отказе от использования тела; в нашем небрежении к чувствам; в изъятии реального присутствия из Причащения; в отказе от христианского взгляда на время, выражающемся "в церковном ходу и суточном круге богослужения; в нашей неспособности понять связь между литургией и архитектурой, литургией и искусством, литургией и музыкой.

Результатом всего этого является гуманизация поклонения. Поклонение приобрело человеческую направленность и как таковое имеет целью развивать ваш ум, улучшать наше самочувствие или обеспечивать формулой успеха. Провозглашение сменилось объяснением: форма - спонтанностью;" Причащение - приглашением; похвала - развлечением; присутствие - индивидуальностью; Святой Дух - искусными способами манипулирования; литургическое восприятие пространства - аудиториями, сконцентрированными вокруг кафедр; христианское восприятие времени - национальными праздниками; священный танец - кривляньем проповедников; алтарь - эстрадой; церковный хор - громкими и надоедливими личными приветствиями; наряды - броской и даже вызывающе непристойной одеждой.

Мы не смогли понять, что наше отрицание формы не столько отрицание, сколько замена одной формы на другую. Мы - создания формы. То есть, по сути, речь идет не о форме, а об искусстве. Таким образом, наше отрицание формы является отрицанием хорошего искусства, его место мы предоставляем плохому искусству - дешевому, непристойному, низкого качества.

В-шестых, о духовности. Рассмотрение духовности из перспективы воплощения, учитывая двойственную природу последнего, позволяет признать существование в духовности мистического и практического начал или того, что мы легко можем в данном случае назвать человеческой и божественной сторонами духовности. Эти две стороны духовности, о которых говорили Святой Матфей и Святой Павел, не исключают, а дополняют Друг друга. Матфей подчеркивает необходимость духовности, формирующейся в светских структурах жизни и проявляющейся в банальных событиях нашей каждодневной деятельности. Это земная духовность. Святой Павел, не отрицая значения мироздания или земного, определенно склоняется к более мистической духовности. Он призывает к аскетическому отречению, к обращению и обновлению.

Проблема духовности массового евангелического христианства состоит в том, что она создана специфической субкультурой. Наша духовность начинается с обращения. Не всегда это имеет смысл «отбрасывания старого» и «обретения нового» в том смысле, что мы отворачиваемся от идей, господствующих в мире, и раскрываем объятия ясному и простому примеру Иисуса. Чаще это обращение имеет смысл вхождения в субкультуру, которая отличается от остального мира исключительно в моральном и личном плане. Например, мы настаиваем на воздержании от употребления алкогольных напитков, от курения, от танцев, от распутства и безнравственных поступков. Но в то же время мы легко относимся к тому, что наша религия поддерживает капитализм и американский образ жизни (в некоторых случаях и социализм). Не моргнув глазом, некоторые из нас поддерживают войну, американскую империалистическую внешнюю политику и миропорядок, при котором угнетаются бедные и который мешает развитию более справедливого общества. Другими словами, нашей основной проблемой является то, что мы поступаем сообразно этике индивидуализма и затворничества, а не сообразно общественному и корпоративному этическому сознанию.

Задача евангелической духовности, действительно, очень сложна. И человеческий, и божественный аспекты присутствуют в нашем подходе к духовности, но они неправильно соединены. Человеческая сторона слишком ориентирована на американский образ жизни, на государственные цели и на ценности среднего класса. Нам нужна человеческая форма духовности, которая, ориентируясь на библейские ценности, сможет устоять против ценностей, властвующих над мечтой среднего класса.

Если мой анализ правилен, как следует рассматривать массовый евангеликализм? Массовый евангеликализм видится мне как движение, возникшее для того, чтобы защитить божественную сторону христианского обращения. Теологический модернизм XX столетия делал чрезмерный упор на человеческое. Это придало евангеликализму холодный, мертвый, стерильный и безжизненный вид, от которого он начинает избавляться, черпая энтузиазм в вере в Бога и в силу Его.

Если верно, что евангеликализм может исправить сверхчеловеческое христианство, должны ли мы стараться исправить сверхчеловеческое христианство, должны ли мы стараться исправить евангеликализм? Мой ответ - громкое "Да!". Христианство в Америке XX века отмечено двумя крайностями: модернистской гуманизацией христианства и евангелическим обожествлением христианства. Нам нужно равновесие. Оба направления должны считаться с суждениями апостольского христианства. Каково будущее евангелического христианства? Я верю в его будущее. Я замечаю много знаков открытости. Во всем мире стихийный экуменизм сближает приверженцев евангелического христианства, экуменизма, ортодоксальных христиан и католиков. Ломаются барьеры и возникает чувство нашей общности как народа Божьего. Я надеюсь, что этот дух будет продолжать пребывать в церкви и те из нас, что зовутся евангелистами, станут лучше от общения с другими христианами, а другие станут лучше от общения с нами. Возможно однажды мы все сможем сидеть за дивным столом у нашего Господа и восхвалять Его за Его милость

к нам, несмотря на наши теологические ошибки, недостаток духовности и этические прегрешения.